

Игорь ТЮЛЕНЕВ

«ЗВЕЗДОЙ РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЕЛКА БЛАГОСЛОВЛЯЕТ РУССКИЙ СНЕГ»

Игорь Николаевич Тюленев — родился 31 мая 1953 года в славном поселке Новоильинский Пермского края. Член Союза писателей России с 1989 года. Закончил Высшие литературные курсы при Литинституте им. Горького (семинар Юрия Кузнецова). Автор 17 поэтических сборников, вышедших в Москве, Перми, Ставрополе, Париже. Лауреат премии журнала «Наш современник» и Всесоюзного литературного конкурса имени Николая Островского и других литературных премий. **Живет в Перми.**

В снега-шелка одета Русь,
Рожден сегодня Иисус.

Голгофа впереди, Фома
Неверующий. Стихов тома.

И возглас: — Это все о нем?
И стражник с укусным копьем.

И на осине тень Иуды.
И фарисей-словоблуды.

Пилат с кровавыми годами,
Что не отмоешь в Иордане.

И черви в сердце Иудей.
Всхлип после казни: — Неужели?

И братьев, и сестер прощанье.
Центурионов бичеванье.

Жен-мироносиц тихий плач.
И ставший в сень Христа палач.

Смерть на кресте и Воскресенье
Потом! А нынче День Рожденья.

НОВОЕ РОЖДЕСТВО

А жили мы тогда в добре и зле,
Бывало так — на паперти блевали.
Но ангелы ходили по земле,
И нашу речь почти не понимали.

Но говорили: — Будет плох конец,
Пока не обратятся люди к Богу.
Он Слог пророков, Он земли Венец
Он был распят, чтоб силу дать народу.

Я их наполовину понимал,
В те дни обуреваемый грехами.
Тогда я от страстей своих бежал,
Когда неделями, когда и месяцами...

Я в пύстыни укрылся! Чтоб всегда
Не гасли над моей Отчизной зори.
Взглянул я на Восток, а там Звезда
Взошла, мое дыхание ускорив!

Так вот оно какое, Рождество!
О чем нам классики кричали и пророки.
Я с небесами чувствовал родство,
Словно роженица, когда подходят сроки.

Но свет Звезды не спрятать от людей.
Волхвы и пастухи понабежали...
Вот этот Праздник взрослых и детей,
Который в СССР так долго ждали.

Раз в год Господь является на свет,
Встает на ножки в образе Младенца!
И в небесах Его я вижу след,
И в космосе Его я вижу сердце.

* * *

С гор Уральских смотрю на Восток,
Сквозь ветра, сквозь снега, сквозь песок.
Я согнут, как гребец на галере.
Каждый год всходит в небе Звезда,
Вифлеем выбирает она.
Путь Звезды и волхвов соизмерен.

Нынче праздник, а Ирод потом
Крысоловом войдет в каждый дом,
Заберет у рожениц младенцев...
Но покуда очаг златоткан,
А вертеп превращается в храм.
И волхвы, и дары уже в сенцах.

Что страшиться? Ведь с нами Господь!
Он с Христом, как с зарей небосвод —
Расступаются земли и воды
Перед чистым сияньем небес.
И Урал, как большой волнорез,
Рассекает стада и народы.

ВЕРА

Я был в деревне летом пастухом,
Ременный кнут стрелял, как парабеллум,
Козленок прыгал вслед за мотыльком,
Луг наполняя блеяньем и белым

Горячим пухом... Снег и монастырь.
И козий сыр, из погреба настойка...
Овчинами завешана Сибирь,
В овчине тонет голосок ребенка.

Но помнит мир, как много лет назад,
Толпились пастухи перед пещерой.
Звезда сияла, и Младенца взгляд
Жизнь наполнял Надеждою и Верой.

Мир не узнал Того,
Кто был распят...
Хоть рук своих не обагрил Пилат,
Но укусом Христу обжег уста.
Мир в Иисусе не узнал Христа!

Один, как перст,
Водвинут в Мир Отцом.
Один, как перст, с простым земным лицом.
Не узнанный толпой среди толпы.
Царя не узнают его рабы.

Взошел на Гору,
Превращаясь в свет,
В лучах Отца, Свой растворяя след,
Притягивая души, как магнит...
Мир проглядел...
Почто сейчас скорбит?

ИИСУС МЛАДЕНЕЦ

Хоть нимб сиял короной золотой,
Младенец рос среди живых живой,
Но помнил про языческий Египет,
Про Ирода, что обагрил свой скипетр,
Смотрел глазами отрока в костер,
Взыскав сердцем
Мировой простор.

Все видел, что Господь наговорил
Евангелистам. Не жалея сил
И сердца с разумом, они душой списали
Чего ни до, ни после не узнали.
Царапал небо веткой кипарис,
Дождь сквозь царапины
С небес струился вниз.

Вот в гроб сошел упрямый Симеон,
Сказав: «Спаситель мира, это Он!»
И указал Марии на Младенца,
И вмиг угас, схватясь рукой за сердце.
Уже оттуда высек искру рот:
— Ты ныне отпускаеши,
Господь...

Уже кусал Иуда серебро,
Копьем кололся стражник под ребро,
Толпа, закончив петь Христу Осанну,

Уже кричит: «Распни! Но не Варраву!»
Как будто яд змеиный на устах,
Блестит отравы
В нынешних умах.

Младенец знал про Еву и про гада,
О бдении ночном в объятьях сада,
Где, прячась от грядущего конца,
О чаше слезно Сын молил Отца.
Вселенная мерцала над долиной,
Ему — конечной,
Нам — необозримой.

Святой мы крестим отроков водой
В купели православной и большой,
Купели нашей Родине хватает,
И в ней святой воды не убывает.
Бог укрепил в нас линию родства,
Рассеяв тьму
Звездою Рождества.

У ЧАСОВНИ КСЕНИИ ПЕТЕРБУРЖСКОЙ

*В 1936 году рядом с часовней
были заживо закопаны священники...*

И я здесь был, за Ксению молился,
Возжег свечу... И дух остановился.

Я вышел. В очи — красная заря,
Кладбищенская затряслась земля,

Российским простакам напоминая
Места, где пиновала волчья стая.

Где в яме без молитвы и креста
Толкли живых служителей Христа.

Святая Ксения, моя тропа убога,
Но встанет память Лазарем из гроба.

Ей тыща лет, она, как Русь, мудра,
Ей Пушкин диктовал со смертного одра...

Но служба кончилась, и певчие устали,
К огню свечи я прикоснусь перстами.

Ушло мгновение — возвращать не надо,
Горит заря, как грозный отблеск ада...

* * *

Тот тесто, этот глину месит.
У каждого своя стезя.
А кто-то, как пузырь, от спеси
Раздудся... Но ведь так нельзя!

Сегодня свет Звезды вечерней
Господь разбрызгает с небес.
И над страной, и над губернией,
И на пустыню, и на лес...

Все окропит, что ныне живо
И с кем простились навсегда.

Смотри, как в небесах красиво
Горит Рождения Звезда!

По свету весть несут голубки.
Вернулись пастухи в стада.
Марии ласковые руки
Всю ночь баюкали Христа.

Не важно — веришь иль не веришь,
Но знает человек и тварь,
Что в яслях — наших душ Владелец,
И слов не сказанных — Букварь!

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ

Ночь Вифлеемскими плодами
Осыпала холодный брег.
Держу перо тремя перстами,
Словно молитву человек.

Звездой Рождественская елка
Благословляет русский снег.
К иголке тянется иголка
И к человеку человек.

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ!

*Рождественский
Петербург
на фотографиях
Елизаветы
Лозновской*

